

ОН В ОБЫЧНОЙ своей манере рассказывает мне о шкипере, что в силу причин личных больше не плавает. Нет, шкипер совсем не стар, но наконец победило изначальное и в общем-то законное стремление жены постоянно видеть его в кругу семьи. А шкипер тоскует по неумолчному рокоту морских волн, по протяжно-резким крикам чаек. Ему сняты штормы, и по ночам малогабаритная городская квартира оглашается громоподобными морскими командами...

Обыкновенная, вроде бы вполне житейская история. И со шкипером этим народно-го артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР Олега Табакова свела отнюдь не литература, не экран и не сцена, а жизнь. Но эту лаконичную устную новеллу он насытил какими-то неожиданными, свежими и очень емкими деталями. Почти физически начинаешь ощущать тоску человека, которого самые близкие и очень любящие люди вдруг лишили главного в жизни. Но таланту артиста чужд пессимизм. Молниеносно оценив ситуацию, навеянную почти трагическим повествованием, он, по-табаковски озорно улынувшись, на выбор предлагает каскад неожиданных и смешных развязок грустной истории...

Я позволил себе этот пример, ибо в нем видится ключ к щедрому художественному и человеческому дарованию Олега Табакова. Оно позволяет ему в, казалось бы, частных случаях разглядеть серьезные закономерности, блистательно, легко и убедительно рассказать о них со сцены или с экрана.

...Павел Петрович Щербук попросту врывается в неторопливо размеренное действие нового художественного фильма «Механическое пианино», поставленного на «Мосфильме» Никитой Михалковым. Среди рефлексирующих, все подтверждающих сомнению чеховских интеллигентов его отличают великолепный аппетит, бравурность и ясность суждений. Эдакий дурашливый, уже немолодой, крикливо-суетный господин. Однако в некоторых бесподобных действиях и поначалу нелепых восклицаниях сразу же четко проступает одна, но самая характерная для него черта: безудержная, зоологическая ненависть к «чужакому», сиречь к простому человеку, который по логике щербуков без их неуспешного, постоянного руководства не способен ни к какому самостоятельному творческому действию.

Олег Табаков с беспощадной ясностью демонстрирует нам анатомию и истоки подобной вполне классовой ненависти. Павел Петрович патологически напуган. Щербук подспудно сознает, что те, кого он с визгливым азартом, с пеной у рта трижды хотел бы «ткнуть в харю», вскорости сметут его и ему подобных, праздных и вздорных небокопителей с лица земли.

Но Павел Петрович еще в силе. Ощущение неясных, но оправданных страхов питают пока лишь предания о бунтах «чумазиных» да первые революционные сполохи на политическом небосводе России.

Персонаж почти анекдотический, то и дело попадающий впросак со своей на первый взгляд дурацкой проповедью аристократической элитарности, в великолепном исполнении Табакова обретает смысл зловещего символа. Артист, а вместе с ним и мы знаем, что придет время и щербуковы дети попытаются в крови утопить революцию.

Однако в активе последних лет у Табакова роли и прямо противоположного звучания. В достаточно скупом материале телевизионного фильма «Волны Черного моря» он находит разнообразие и, как всегда, эксцентрические краски для глубоко симпатичного ему человека, преподавателя средне-учебных заведений, коллежского советника Бачая. Этот русский интеллигент по многим обстоятельствам не готов вступить в активную борьбу с самодержавием. Но он политически созрел для того, чтобы дать трезвую оценку сложным событиям 1905 года, прийти на помощь большевику-материку с легендарного «Потемкина».

Постоянно ломать стереотипы. Не поддаваться искушению повторить нечто однажды найденное. Этому творческому кредо, провозглашенному в самом начале творческой деятельности на страницах одной централь-

люди искусства

Дорога в мастера

Феликс АНДРЕЕВ

ной газеты, Олег Табаков следует и по нынешний день.

— Я полагаю, — увлеченно рассказывает он, — что поиск нужно вести и внутри самого амплуа. Если этот термин не истолковывать как унылый повтор десятка расхожих штампов. А к ним, как правило, ведут ненавистная мне актерская лень, желание возложить вину за свою творческую несостоятельность на некие туманные, приходящие обстоятельства.

— Актерское мастерство достигается ежедневной, изматывающей, постоянной работой. Праздные вопросы, разговоры вокруг да около — какая это, в сущности, гадостная привычка! Потерянные минуты складываются в дни, недели, годы! А потом инфантильный пожилой мальчик бьется в истерику и, подобно чеховскому Платонову, вопит: «Мне тридцать пять лет, а я в жизни ничего не сделал!»

Актер не на шутку рассержен. Тема волнует его всерьез. Но вот после небольшой паузы вспыхивает лучезарная улыбка. «Я в работе всегда», — чуть пародируя самого себя, несколько нараспев и в нос произносит Табаков.

— И сейчас разговариваю с тобой и думаю: а чем черт не шутит?! Может, и придется когда сыграть журналиста, критика, вот тут-то наши беседы и пригодятся...

В каждой шутке есть доля правды. Понимаю, шутка понадобилась Олегу Табакову, чтобы бить абсолютно невольный ему оттенок назидательности, напыщенного самодовольства.

Ну, а на самом деле кажущаяся грандиозная легкость, с которой решает он многочисленные актерские задачи в театре, в кино, на телевидении и радио, объясняется виртуозным профессионализмом самого высокого свойства.

Причем профессионализм для него не просто самоценный набор «самозатчаивающихся» чисто технических приемов владения телом, лицом, голосом. Профессионализм этого художника и в точнейшем выборе героя, способного сообщить нечто чрезвычайно нужное и важное зрителю в данное время, в данных обстоятельствах, в умении объяснить себе, своей аудитории причины возникновения того или иного образа, рожденного временем.

И всякий раз, будь это юный Коля Бабушкин из фильма «Молодо-зелено» или молодой Александр Адуев из гончаровской «Обыкновенной истории» — всюду, в большой или малой роли, актер ни на мгновение не остается статичным. Его герои проживают свою жизнь чаще всего весьма бурно. Олег Табаков находит для них точные, подчас гротесково-

эксцентрические характеристики.

Семнадцать лет назад в «Голом короле» сыграл он две очень разные острохарактерные роли — Повара и Дирижера.

Как вспоминает теперь Табаков, диктовалось это отнюдь не режиссерским замыслом, а элементарной нехваткой артистов в молодой труппе «Современника».

Но вот уже пять лет спустя в пьесе В. Аксенова «Всегда в продаже» виртуозно играет он уже сразу три весьма значительные роли. Причем одна из них... женская.

Путь к мастеру начался у Табакова давно. Быть может, с того памятного дня, когда восьмилетний Оленка, сын капитана медицинской службы Березовской, пришел в эвакуацию к раненым. Пришел с тем, чтобы повеселить их смешными стишками, забавными сценками, песенками.

— Я запомнил то утро на всю жизнь. А правильнее сказать тогдашняя встреча оказала свое могучее влияние на мое восприятие таких святынь для каждого из нас понятий, как патриотизм, Родина, народ.

Тогда всем своим маленьким сердцем я ощутил — вот они, храбрые, сильные и добрые мои защитники, крови и самой жизни не жалевшие в боях с фашистами. В соответствии с мальчишескими представлениями гнилая фашистская нечисть, о ней так и пелось в лучшей песне тех лет, виделась мне чем-то монотонно мерзким, отталкивающим безобразным. Одним словом, фашизм не персонализировался у меня в какие-то конкретные личности.

Этим воспоминанием Олег Табаков делился со мной в тихих гулких залах берлинского «Натуркюнде» («Музей природоведения»). Вскоре в фильме «Семнадцать мгновений весны» мы увидели эти залы на экранах телевизора. Здесь Штирлиц — Исаев назначал свидания связникам.

Мы ходили по Инвалиденштрассе, Вирхов-платц, старым берлинским улицам и площадям, засаженным липами и платанами, шли к Бранденбургским воротам мимо знаменитого, описанного еще Ремарком отеля «Адлон», одного из немногих зданий, уцелевших в дни штурма Берлина в зоне рейхсканцелярии.

— Предложение сыграть Шелленберга, — говорил тогда Табаков, — одновременно и озадачило меня, и обрадовало. Обрадовало тем, что исполнением этой роли я хоть в небольшой степени возьму наш неоплаченный долг героям Великой Отечественной... Ведь они жертвовали жизнью во имя того, чтобы такие вот шелленберги ни-

когда вновь не сели на шею немецкого народа.

Однако для того, чтобы изнутри разоблачить одного из руководителей разбойничьей гитлеровской разведки, эсэсовского генерала Шелленберга, Табакову пришлось протудировать множество подлинных материалов того времени, выслушать не одно свидетельство очевидцев событий тех лет.

На экране мы встретились с внешне привлекательным, но потому вдвойне опасным, коварным, расчетливым и жестоким врагом.

— Оглушение врага в произведениях искусства в конечном итоге преуменьшало бы сегодня, когда мы готовимся в тридцать второй раз отметить годовщину нашей Победы над фашизмом, всю грандиозность и масштабы подвига советских людей в этой тяжелой, многолетней великой битве за счастье всего человечества, — сказал мне недавно Олег Табаков, возвращаясь к той старой теме нашего разговора.

— Но ведь патриотизм и в наши дни может найти в искусстве свое героическое воплощение, — продолжал артист. — Именно поэтому так дорога мне фигура абсолютно нового для меня героя Егора Полупкина в инсценировке повести Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедей». Егор — патриот родной русской природы. Художник по натуре, он готов насмерть сражаться с ее врагами. В образе Полупкина я стремился воплотить драгоценные для меня черты русского национального характера: безграничную доброту, благородство, великодушие, скромность, стойкость, неистребимое творческое начало, присущее и самому Егору, его жене Харитине, ясноглазому сынишке Полупкина — Кольке, миллионам наших соотечественников.

Примечательно, что в одной из предыдущих своих работ — в пьесе Александра Вампилова «Провинциальные анекдоты» — Олег Табаков с большой художественной силой воплощает образ антипода Полупкина — шофера Федора Анчугина. Этот грубый, закоснелый в хамстве и невежестве человек, несомненно, оказался бы в стане врагов Егора.

«... Чем эту историю разыгрывать достовернее, тем она будет смешнее и более обнажит по смыслу. Но ты, возможно, поймешь другим путем — дело твое. Доверяюсь тебе полностью на 139 процентов», — писал в одном из последних своих писем Олегу Табакову автор «Провинциальных анекдотов».

И здесь артист исповедует то, что проповедует. Ломает всяческие стереотипы всеми доступными ему средствами. А арсенал их год от года становится все полнее и богаче.

В 1953 году Табаков одновременно держал конкурсные экзамены в Государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского и Школу-студию имени Вл. И. Немировича-Данченко при МХАТе имени М. Горького. Его приняли в оба учебных заведения.

— Везунок, — говорил кто-то из друзей. А я с благодарностью думал о приехавшей меня к упорному труду руководителю драматической студии Саратовского дворца пионеров Наталии Иосифовне Сухослав. Она учила видеть в театре и в актерском труде не развлечение, не прихоть, а серьезное и нужное людям дело, — вспоминает Олег Табаков.

Это убеждение популярный актер стремится привить своим ученикам. Несколько лет назад после конкурса, в котором приняло участие около четырех тысяч мальчишек и девочек, он начал с ними занятия в драмкружке Дворца пионеров Бауманского района столицы. Сейчас это группа «Б» первого курса Института театрального искусства под его художественным руководством. Вместе с ним занятия на курсе ведут несколько артистов театра «Современник». И кто знает, быть может, четыре года спустя дипломный спектакль этого курса даст жизнь новому юному творческому организму. Как в свое время могучее жатковское древо даровало жизнь «Современнику».

Оптимистически отнесись к подобной гипотезе позволяет неустанная творческая деятельность коммуниста, заместителя секретаря партбюро театра «Современник» Олега Павловича Табакова.